

Марина Саввиных — не новичок в русской литературе, она — на сегодняшний день — один из самых прекрасных и сильных её художников; думаю, настоящий художник, ведь подлинность авторского высказывания определяется отнюдь не эффектным набором литературных красот, не высотой и блеском литературной техники, а самым драгоценным, что есть у художника за душой, — силой художественного образа.

Мало кто умеет работать именно с образом. Многие забывают про него, увлекаясь виртуозной версификацией, когда из мелкотемья вполне можно, при помощи иных отточенных приёмов, сделать картину. Но она не оставит неизгладимого впечатления на сердце.

Поэзия — это живое. Живая материя, живой огонь.

Марина Саввиных не только и не просто владеет этим огнём; она, осознавая трагизм времени, в котором, вместе с нами, ей выпало жить, противопоставляет ему именно это бесценное, личностное, личное, незаёмное пламя творящей души.

Да не будет это впечатление пафосным; в триаде «логос — мифос — пафос» торжество пафоса являлось одной из неотъемлемых составляющих высокого искусства, искусства трагедии.

«Ещё чернее и огромней тень Люциферова крыла», — ответ блоковских inferнальных огней лежит на стихотворении «Люцифер», открывающем книгу, где противостояние человека

и тёмной силы дано смело, ярко, рельефно; и это неженское бесстрашие вызывает в памяти античный ужас мифологических битв и разверзающийся космос библейских сражений:

Люцифер! Это — вызов Тебе!
Это значит — Я буду являться!
Значит, в нашей вселенской борьбе
Друг за друга нам вечно цепляться!

И символично, что книга открывается именно этим стихом-противоборством. Оно есть несмываемый символ-знак бытия, под ним проходят эпохи, гремят войны, цветут деревья, рождаются творцы. Марина Саввиных — несомненный творец; демиургическая сила её стиха не заслоняет, а поддерживает ожидаемую утончённость и нежность:

Умейте радоваться солнечному лету,
Его дразнящей и тревожащей поре,
Закату позднему, и раннему рассвету,
И синему дождю, и золотой жаре...

Саввиных уже — на таком уровне поэтического сознания и мастерства, что у неё не замечаешь вербального ряда; простой и прозрачной видится летняя цветочная вязь слов, а на самом деле за лирической картиной разворачиваются гигантские крылья мироздания, и всё происходит точно по Блейку: «в одном мгновенье видеть вечность... и небо — в чашечке цветка».

Её стиховая живопись обладает скрытой и явной русскостью, в ней слышна та пронзительная нота святого нищенства, бессребренного юродства, что издавна освещало тихим свечным пламенем («свете тихий...») русский быт и русское бытие. Эта нота скитальчества, жаления, жалости как высшей формы любви, страдания как концентрированной — за всех — высшей молитвы звучит в стихах, открывая безбрежные (и забытые!) горизонты:

Я — нищенка. Вот посох мой.
Песок растрескавшихся губ.
Пучок лучей над головой
Высок, торжественен и скуп.
На мне — проклятье. И за мной —
Ни свежих листьев, ни греха.
А пахнет дымом и сосной
И тихим злом сухого мха.

И это тайное, одинокое, личное юродство внезапно разрастается до огромных земных масштабов, оно накладывается огненной

печатью на время, в котором живёт поэт, в котором он наблюдает близкие и далёкие драмы, продажность и благородство, ярость и прощение:

И уходит тропой сумасшедшего века,
Вместе с ним суесловья, лукавья, греша,
Как внезапно, но поздно прозревший калека,
Ваша нежная, гордая, злая душа...

Что ещё удивительно (и притягательно!) — Марина Саввиных свободным стилем плывёт в море всепланетной культуры, мировой культурной истории. В ткани её стихотворений то и дело вспыхивают имена, понятия, символы, ориентиры, что безошибочно ведут нас в колодцы времён, поднимают перед нами занавес утраченной во времени, но ярко сияющей на авансцене истории эпохи: Гермес, Богоматерь, Ариадна, Роза Ширази, Валькирия, Электра, Федра живут в её стихах, красной нитью стягивая поколения и культуры, души ушедшие и души живые. И это не просто любование культурой, не эстетически выхваченные из её глубины стяги и хоругви. Это абсолютное — и убедительное! — ощущение жизни не только здесь и сейчас, но и — везде и всегда. Это и есть, как ни торжественно это звучит, чувство бессмертия. Поэт связывает времена одним биением живого сердца. И оно, это биение, драгоценней многих иных стилистических изысков и версификационных трюков:

Что же, мой ангел, взываю к тебе, не зная:
Есть ли спасенье от этой фантомной боли?
Долго ли — тлеть осуждённая — пыль земная
Будет искать искупленья земной юдоли?
Долго ли будут растоптанные гвоздики
Напоминать о настойчивости метели
И обещать возвращение Эвридики
Ради моей — не имеющей смысла — цели?

Редко у какого поэта встретишь теперь такую мифологическую плотность стиха, столь явную культурную насыщенность: алмазные соли культуры — на стенках хрупкого сосуда души, — и в лучших своих стихах, написанных под бешено пылающим «культурным факелом», Марина Саввиных демонстрирует немалое художественное мужество, дающее ей право крепко сшить воедино прошедшее и сегодняшней день, древность былого и сиюминутность нашего сиротства:

И сомкнутся молнии наших пальцев,
Так язвительны, так нестерпимо робки,

Что последнего капища лопнет панцирь,
И по всей территории выбьет пробки...
Мы сгорим, полземли опалив пожаром,
Вечно юные дети Армагеддона,
Чтобы снова над этим безумным шаром
Очертился божественный лик Атона...
От убийственной близости туч Эреба
Размагнитятся стрелки газетных версий,
И златую Иштар упокоит Феба
На жестоких холмах своих твёрдых персей.

Я ещё нигде не встречала такого сжатого, горького и точного изображения Апокалипсиса в поэзии (хотя кто только его не изображал...) и такого невероятного, крепкого объятия мифа и современности.

В этом Саввиных и сильна. Понятно, что любой художник не «реет» в космическом вакууме, а чувствует тягу древних культурных корней. Однако далеко не каждый может свободно вписать древние символы — и чисто художественные, и социокультурные — во фреску своего многофигурного искусства. Саввиных не боится культуры; она ею живёт и дышит. И личное, лирическое, единственное, интимное в одно мгновение становится общеземным, сферически-объёмным. А уже ставшая традиционной мегаметафора, смысл которой сводится к позиции «гибнущий Рим = мы», превращается в разворачивающуюся на наших глазах геокультурную перспективу, и в ней мы запросто можем узнать, увидеть себя, хоть дрожит, плывёт в снежном мареве историческое гигантское зеркало:

Рим устал.
Кто кумиров его не свергал?
Только шут да школяр неприлежный...
И уже наострил предприимчивый галл
И оружие, и дух свой мятежный;
Ходит варвар у ближних его рубежей,
Закаляясь в пожарах его мятежей —
На руинах его матеря,
Верный враг, терпеливо взлелеянный плод,
Вожделенное лежище райских болот —
Восходящая Гиперборея...

Гиперборея — сияющий Север — арктические Веды — Приполярье — Урал, а за ним Сибирь — громадные пространства — новые люди — новые эры — та Россия, что теперь

колышется мощным знаменем над нами, современниками и сомгновенниками. И Марина Саввиных смелой, широкой кистью пишет её огненный портрет.

Это портрет и нас с вами. Каждого из нас. В каждом из нас Эвридика; в каждом — Орфей. Мы не осознаём каждую минуту и секунду, чья кровь в нас течёт; но мы, всякий, из плоти и крови наших предков. И культурный геном никуда не денешь. Марина Саввиных, один из самых мощных и оригинальных современных поэтов России, ярко и уверенно доказывает это.

Книгу украшают стихи о Кавказе, с которым у автора много жизненных связей; но и Кавказ предстаёт не только в умелом изображении дорогих сердцу автора ландшафтов, но и в ореоле бытийного. И снова, снова, с упорством симфонического лейтмотива, возвращается эта любимая поэтом нота брака времён, объятия эпох, когда ты, стоя на древней каменной плите, можешь вобрать в сердце весь окоём, всю ойкумену, весь зримый и мыслимый Космос.

Горячей кровью столько раз облиты
И мстительным огнём обожжены —
Невозмутимость мира эти плиты
Живущим демонстрировать должны...
Но и, себя ещё не узнавая,
Пробившаяся в камне — вопреки
Ветрам и зною, дышит плоть живая
На берегу космической реки,
Которая не означает время,
Как пирамида или мегалит,
А побуждает брошенное семя
Сверлить подошвы допотопных плит
Для недоступной разуму надежды...
Так Вседержитель царствий и планет
То размыкает, то смыкает вежды —
За мигом миг... и мириады лет.

Книга непростая. И одновременно простая, как перстень с руки. Книга философски-знаковая. И в то же время лирически живая, тёплая, горячая, сердечно-непосредственная, — сердце поэту на то и дано, чтобы каждым его вздрогом благословлять неумолимый бег времени.

Елена КРЮКОВА